Газета – 2005 – 22 марта – с. 36.

коктейль из клюквы

Будапештский театр оперетты в Петербурге

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

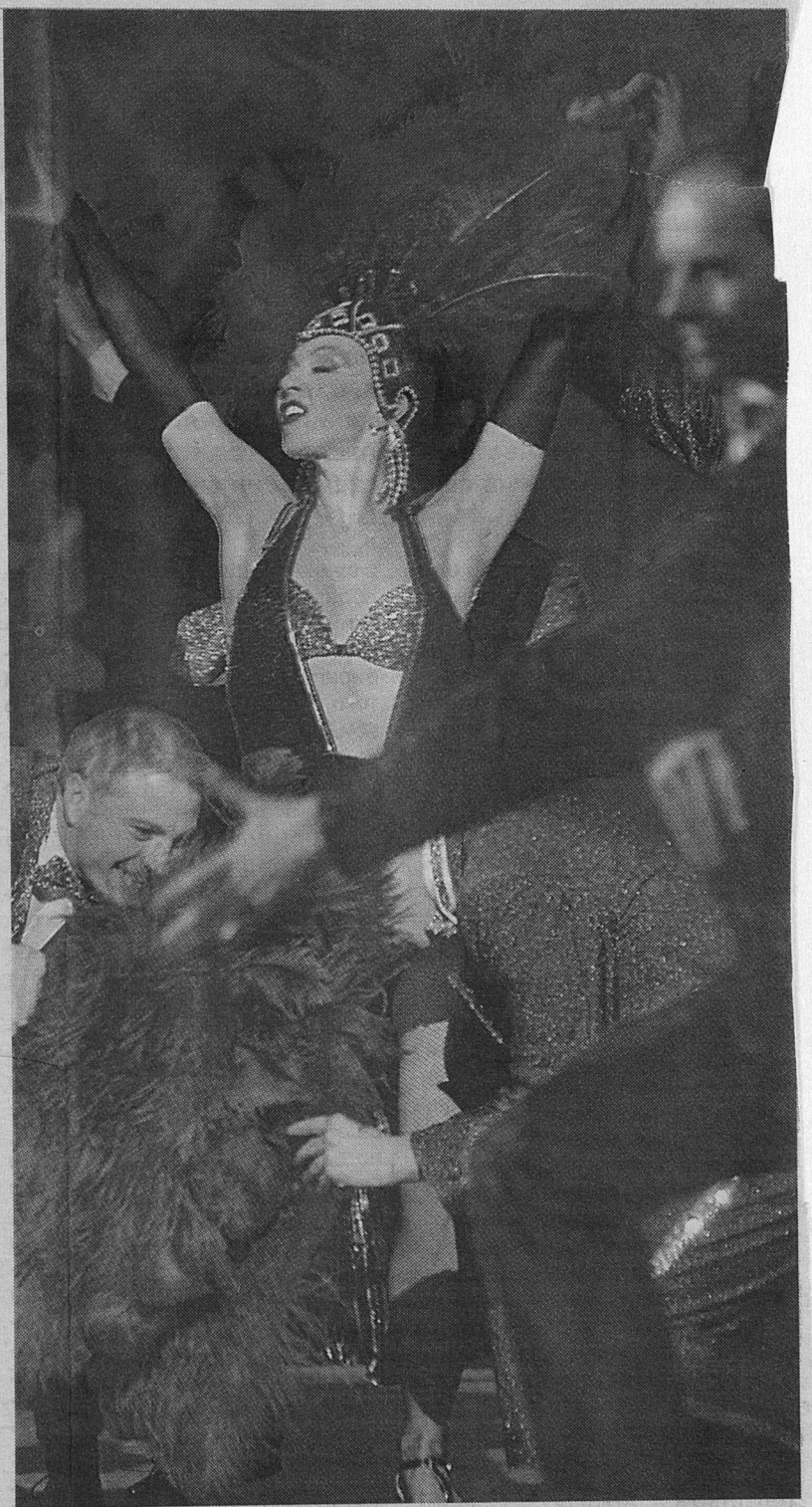
«Графиня Марица», одна из самых известных и цветистых оперетт Имре Кальмана, была показана на сцене Театра оперы и балета Петербургской консерватории венгерской труппой. Зал заполнила публика довольно почтенного возраста: собрались те, кто еще помнил блистательные гастроли Будапештского театра оперетты тридцать лет тому назад.

Пик славы будапештской оперетты пришелся на середину прошлого века; то были золотые дни второго расцвета жанра. А уж венграм и карты в руки — Имре Кальман, пожалуй, самый гениальный мелодист из всех «опереточных» композиторов; после себя он оставил такой кладезь мелодий и мотивов, что черпай и черпай, хватит на много поколений. Увидеть «Графиню Марицу» в венгерском исполнении (режиссер — Миклош-Габор Керени), безусловно, стоило. Слуху открылись новые нюансы в интерпретации кальмановских арий и дуэтов: это уж точно было не bel canto. Но главной ценностью спектакля оказалась светлая и яркая энергетика, по которой публика так истосковалась в сумрачном и холодном Питере. Полнокровное веселье и беззаботная радость потоками лились со сцены. Песни и пляски в национальных костюмах, фантастические акробатические трюки и легкая, ненатужная буффонада слились в искрящийся коктейль: потреблять залпом, с появлением первой звезды, не закусывая.

Казалось, ты попал не на «Графиню Марицу», а на «Свадьбу в Малиновке». Золотистый стог торчал за плетнем и слегка шевелился: из него показались встрепанные головы полураздетой влюбленной парочки. Подхватив манатки, молодые бросились за кулисы: на широкий двор сквозь тесовые ворота царственным шагом входила сама Марица (Жужа Калочаи), величественная владетельница поместья. Пейзане в белых рубахах и соломенных шляпах мялись во дворе, встречая хозяйку. Длиннокудрый управляющий романтического вида (Золтан Ньяри) пел свою арию под луной, подтанцовывая венгерский чардаш. Вся эта развесистая клюква, казалось, должна бы раздражать; от постановки явно несло нафталином. Однако вся эта вещественность и псевдонатуральность создавала аутентично-старомодное и очень симпатичное пространство спектакля; так, должно быть, выглядели декорации во времена самого Кальмана. Пространство обживали пластичные актеры (к слову, танцуют в Будапештской оперетте лучше, чем поют), шикарный кордебалет и две пары главных героев — романтическая и комическая, как и полагается в классической оперетте.

Вместе они наполнили замшелые декорации кипучей деятельностью и бурлением преувеличенно опереточных страстей. Всего в спектакле было чересчур: венгерский темперамент сказывался в пафосной подаче каждого слова, жеста, артикуляции вокальных номеров. Отличного качества оркестр «сбацал» музыку Кальмана в лучшем виде: смачно, с оттягом, с истинно мадьярским шиком. Как только заиграли увертюру и ухо смогло оценить богатый, объемный оркестровый звук, стало ясно: за пультом стоит мастер. Дирижер Ласло Маклари провел спектакль лихо, не переводя духа. Жужа Калочаи, звезда венгерской оперетты, смогла блеснуть и голосом (впрочем, небольшим), и статью, и даже продемонстрировать сверхъестественные для певицы силовые приемы. Спев с подтанцовкой три куплета вместе с партнером, она под конец номера с легкостью подхватила его на руки и продержала минуты три, пока зал неистовствовал и исходил овациями. Затем сбросила ношу на пол и, как ни в чем ни бывало, запела снова.

Дивертисмент в середине второго акта словно перенес спектакль в «Мулен Руж» или даже во Фридрихштадт-палас. На сцену выбежали длинноногие девицы в перьях и стройные танцоры — они показали каскад номеров с канканом и обязательной растяжкой-шпагатом в конце.
Вставной эпизод, правда, шел не под музыку Кальмана, но этот «театр в театре» весьма разнообразил течение спектакля. Словом, Будапештская оперетта показала товар лицом и привезла то, чем вправе гордиться: аутентичного «венгерского» Кальмана.



Соблюдение старомодного антуража даже пошло венгерской оперетте на пользу Фотограф: Андрей Кульгун